

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА В АНФАС И В ПРОФИЛЬ

или

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА ДЬЯВОЛА В ХРИСТИАНСТВЕ

Евгения Калантарян

Кандидат искусствоведения

У истоков христианства находятся отголоски как митраизма, иудаизма, язычества, культа Великой Матери и т.д. В ходе распространения по Европе, христианство с одной стороны разрушало укоренившиеся местные мифы, с другой – перефразировало и переваривало его, создавая новый “узаконенный” языческий миф, который уже представлялся христианской легендой. Отдельные разрозненные культы церковь была в состоянии поглотить, т.к. они не были достаточно сильными, чтоб угрожать ей. Иначе обстояло дело с культами Пана, Диониса и культами плодородия в странах Европы. Они были настолько сильны, что составляли серьезную альтернативу христианству. Не будучи способным бороться с ними и вместе с тем принять их как положительных элементов в своей мифологии, христианство вынужденно дало им негативный аспект. Трансформировав старый культ в объект страха и отвращения, христианство делает бесконечно сложный процесс невероятно простым.

Некоторые из уродцев постепенно морализовались, становясь носителями определенных пороков или грехов, что дало возможность использовать их как часть адского ландшафта. При этом, уродец становился определенным символом, наличие которого было знамением, либо предупреждением. Более того, когда среди прихожан рождался слабоумный ребенок, или калека, следуя средневековой традиции и любви к универсализации и обобщениям, этот факт воспринимался не как личная (внутрисемейная) трагедия, а как знак на ожидаемое коллективное ужасное событие: Конец света, приход Антихриста и т.д. Человек Средних веков имел склонность к восприятию мира как символа самого по себе, самого в себе, где каждый из её элементов воспринимался как образ либо добродетели, либо греха и порока. Средневековые изображения уродцев и монстров были культурным сопротивлением примитивного страха перед хаосом и антимиром. Превращаясь в эсхатологические символы, они становились проблемами психологического порядка, - это было движением разума, показанного путём изучения поведения. Галерея монстров была средством размещения души снаружи, указывающим, что грех имеет объективное существование и не должен обсуждаться в терминах индивидуальной слабости. Люди сведены до вида дряблых раздвоенных червей, барахтающихся в нечистотах. Грех в мириадах дьявольских форм – это то, что преобладает в аду. Грех – категория сама по себе более интересная, нежели

грешник. Довольно многоликая и разнообразная. И эта сила уродства уже сама воздействует на человеческую психику. Грех не вызывает осуждения или проклятия, он сам является осуждением и проклятием.

Если монстры, фантастические существа, получив персонификацию, стали символами отдельных грехов, пороков, а отсюда и воспринимались как бесовская армия в аду, то центральное место, главенство в нем принадлежит иному персонажу – Дьяволу.

В самих библейских текстах не так уж и много ссылок на существо, воспринимаемое в христианстве Дьяволом и имеющее внешний вид классического сатира.

Так, Исайя принимает за метафору ада руины Вавилона¹.

В описаниях руин Вавилона у Исайи мы встречаем нечистых в глазах Бога животных: шакала, ястреба, гиену, сову, дикобраза, страуса, дух Лилит и сатира. Разве что за исключением страуса, все они нашли свое место в фауне христианского ада, иногда видоизменяясь до неузнаваемости, иногда оставаясь при всех своих внешних данных (Интересно представить, насколько расхожей могла бы стать история христианской морали, если бы Сатана был представлен в виде страуса). Кстати, все они приводятся и в многочисленных бестиариях, к примеру, в “Трактате о птицах”. Что же касается сатира, то его образ, практически без трансформации перешел в образ Дьявола.

В античной мифологии сатир – наполовину человек, а ниже пояса – козел. Согласно Гесиоду, они жили в лесах, “были ни на что не годными и озорными”². Они общались с нимфами, дриадами, гамадридами и кентаврами. В отличие от силенов, которые представлялись седобородыми старцами, вечно пьяными и разгульными, сатиры имели “кроткий”, даже пугливый нрав. Таким образом, сатиры не воспринимались злой, демонической силой. Их склонность к озорству была скорее ребячеством, чем злостью. Демонизация их придет позже, когда на образ сатира “наложатся” образы Пана и Диониса.

Родиной культа Пана была сельская местность Аркадия в Греции. Пан был сыном Гермеса и являлся богом плодородия. В его функции входило следить, защищать, увеличивать воспроизводство крупного рогатого скота. Можно заключить, что если Аркадия нуждалась в таком божестве, значит, она не была благоприятной зоной для выращивания крупного рогатого скота. Отсюда и факт, что здесь разводили коз, потому и Пан получает козлиный образ. Далее,

¹ Исайя, 34:8-14; Андреев Н.Е., *Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании*, Киев, 1936, с. 96; Красносельцев Н.Ф., *Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки*, Казань 1885, с. 108.

² Ле Гофф Ж., *С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII вв.)*, Москва 1991, с. 25-48; Kraithimer R., “Introduction to an Iconography of Medieval Architecture”, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1942, pp. 12-36, n. 2; Focillon H., *The Art of the West in the Middle Ages. Romanesque Art*, 2 vol., 2nd ed., London & New York, 1969, v. 1, pp. 307-310.

следующее заключение: если Пан “заставлял” животных размножаться, значит, он должен был быть фаллическим богом, каким и стал.

Иррациональность и фаллизм Пана связывали его с главным носителем экстатического культа в древние времена – богом плодородия и растительности – Дионисом. Почитание его началось во Фракии и Фригии, вскоре распространилось на всю Грецию.

У культа Диониса было любопытное сходство с христианством. Фригийцы считали, что их боги по необходимости могут входить в тело животного – быка, козы, овцы, и даже иногда и человека. Потому и у них был садистический ритуал разрывать на части живое тело, чтоб отведать его, вобрать в себя его силу – христианской реминисценцией станет причастие. У Диониса, как бога плодородия, была сильная связь и с подземным миром. Он мог при желании воскресить человека после смерти, потому и иногда в некоторых его культах, он представляется Господином смерти.

Культы плодородия, включающие бога с рогами, фаллические ритуалы и экстатические танцы, были традиционны не только в Греции, но и по всей Европе, начиная с палеолита до первых веков христианства. В VII веке Архиепископ Теодор Кентерберийский пишет свою знаменитую “Книгу раскаяний”, где осуждает практику древних почитателей плодородия³. Этот трактат один из многих документов, показывающих продолжение существования культа Пана и проблемы, которые он вызывал у христианской церкви.

Для культа Дьявола появляется непочатый край иконографических версий, причем ни одна из них не является простой застывшей формой. Имея перед собой задачу изобретения образа господина над мраком и хаосом, художники варьировали, дополняя новые отвратительные детали, становящиеся психологической необходимостью к созданию образа зла⁴.

³ Гуревич А.Я. - О новых проблемах изучения средневековой культуры.//Культура и искусство западноевропейского средневековья (Материалы научной конференции 1980г.), М.,1981г., стр.38-57. Гуревич А.Я. - Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм.// “Труды по знаковым системам”, Тарту, 1975г., VII, стр.98-112.

⁴ Говоря об очень черных волосах, здесь легко узреть и уже сформированную цветовую символику, в иерархии которой черный мыслился концом всему, смертью. Приведем ниже описания Гонория Августодунского о необходимости различения цвета, в основе которой нетрудно проглядеть византийские источники.

Гонорий описывает, что все цвета собираются согласно иерархической ценности: чем выше, тем божественней, чем ниже – свойственной простому смертному.

__Золотой (Бог)__

Все оттенки синего (Небеса, “Епархия Бога”)

Белый (цвет облаков на Небесах)

Красный (цвет крови, стремления, энергии)

Зеленый (цвет вечной жизни, весны, обновления)

Коричневый (цвет глины, т.е. Адама, человека)

--Черный--

К XI веку сформированный иконографический тип Дьявола сочетает в себе элементы от образа Пана, густую длинную шерсть дикого человека, рога, (иногда крылья), четырехпалые лапы с длинными когтями. Кроме того, здесь можно встретить и элементы от образов “нежелательных для Бога” животных: летучей мыши, змеи, скорпиона, гидры, жабы.... Казалось, что почти все твари сдали кусочки своего анатомического строения, которые слились в единый чудовищный предполагаемый портрет.

Изначально образ Дьявола сливается в сознании с образом Антихриста, к концу X века резко изменяется. Появляется тип страшного, омерзительного чудовища, а не идеализированного ангельского существа, искушающего и вводящего в заблуждения души людей. И это происходит после Собора в Ключни в 956 году. Это первая версия Собора в Тренте, посвященная укреплению церковной дисциплины и выработки методов, призывающих верующих к порядку. Благодаря ключнийскому собору, возникла необходимость в образе страха, который поляризовал бы любовь к добродетели. И страх этот, будучи прочувствован, удовлетворился в избыточно ужасном новом типаже Дьявола. С головы исчез нимб из пламенеющих огненных волос, которые вскоре заменились рогами. Таким образом, стоило только задать Дьявола в безобразной форме, его слияние уже с горбатым богом стало проще простого. Он становится отталкивающим носителем зла, образ которого детально описывается в многочисленных видениях галлюцинирующих монахов и девственниц IX-XIII веков. Так, Сен-Лежерский монах Рауль Глаубер сообщает: “Я видел в конце моей постели маленького монстра в человеческом облике. У него была – насколько я смог заметить – рябая шея, тонкое лицо, очень черные глаза и морщинистый низкий лоб. Нос плоский; рот огромный с пухлыми губами. У него был короткий острый подбородок, козлиная борода, торчащие остроконечные уши, спутанные волосы с торчащими кончиками, зубы, как у собаки, и острая голова. Он был с куриной грудью и горбатым, его одежда была грязной, и он подпрыгивал и скакал вокруг”⁵. Хрестоматийная символизация, свойственная средневековому сознанию на пути к осмыслению и объяснению окружающего мира устанавливает и цветовую иконографию Дьявола: они изображаются преимущественно черными с огненно-красными глазами. Что же касается рельефов, то романские дьяволы вырезались как бы типовыми: у них были

(находится не в самой таблице, а в недрах земли, цвет смерти, страха, конца всему). Согласно Гонорию, красный делит таблицу на два горизонтальных отсека: выше красного – цвета божественные, ниже красного – земные. Черный же – цвет подземный. Отсюда Гонорий выводит и “географическую карту” потустороннего мира: божественное – это рай, земное – чистилище, а подземное – ад. Гуревич А.Я. – Культура и общество средневековой Европы глазами современников. “Exempla”. М., “Искусство”, 1989 г., 324 с.

⁵ Р. Тэннехилл - Секс в истории. М., 1995 г., стр. 128.

огромные головы на длинных и узких туловищах, вместо волос – густая взлохмаченная шерсть, непомерно большие ноздри, рот, уши, что само по себе было символом злобности и агрессии.

Таким образом, дикий человек становится концентрированным и значимым символом, - персонифицированным беспорядком.

Ամփոփում

MEDIEVAL EUROPE IN FULL FACE AND PROFILE.
THE PROBLEM OF EVIL IN CHRISTIAN ART

Evgenia Qalantaryan
PhD in Art History

The problems of eschatology were the most important in the Middle Ages. The medieval man wasn't afraid of death, but the posthumous judgment. In this case the Evil and its carriers, satan's playing more important role in their opinion. It's very interesting that the figure of Devil was formulated on the base of ancient pagan culture: for example Dionis, Pan and others.

ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԵՎՐՈՊԱՆ ԴԻՄԱՏԻՑ ԵՎ ԿԻՍԱԴԵՄ.
ՉԱՐԻ ՊԱՏԿԵՐԱՑՈՒՄՆԵՐԸ ՔՐԻՍՏՈՆԵԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏՈՒՄ

Եվգենյա Քալանթարյան
Արվեստագիտության թեկնածու

Միջնադարյան մարդու աշխարհընկալման մեջ կարևոր դեր էր կատարում վախը ետմահու պատժից: Իրական կյանքում նա բազմիցս գայթակղվում էր, խաբվում: Չարը, որ նրան ուղորդում էր ողջ կյանքի ընթացքում ստանում էր գերնշանակություն և իմաստ: Չարից խուսափելու համար, միջնադարյան մարդը ստեղծում է մի հսկայական համակարգ, որում կան թե՛ զանազան կերպարներ և թե՛ չարը խորհրդանշող առանձին տարրեր՝ գիշեր, անտառ: Հատկանշական է, որ կերպարային ակունքները ձգվում են դեպի հեթանոսություն: